

От редактора рубрики

Образ российского города, быстро формирующийся в отечественном академическом дискурсе, протупает все более явственно. В нем хорошо угадываются черты, которыми наделяют город не только акторы его развития, но и исследователи, отбирающие сюжеты, проблемы и группы. Именно исследователи помещают в фокус своего анализа тот или иной образ города, выносят его на суд рецензентов и академического читателя, представляя в статьях, книгах, лекциях, популярных программах. Задавая вопросом "Что мы знаем о жителе большого города?"¹, исследователи уже на старте очерчивают фрейм городского физического и социального пространства, описывая и отчасти предписывая им свойства виртуального урбанизма, его ценности, практики, отношения. Не менее активно, образ города создают и медиа, не только формирующие его для обывателя и власти, но и образующие информационный массив для анализа экспертам-управленцам и исследователям.

Однако за пределами их взглядов остается значительная часть российского города, не попавшая в поле зрения авторов в силу самых разных причин. Как следствие, в академическом тексте формируется образ не столько реального российского города, сколько его видимой части. Видимой в силу интересов исследователей, доминирующих теорий, интересов власти, конъюнктуры рынка. Другие же части российского города, нередко занимающие до половины его территории, остаются исключенными как из академического, так и медийного, властного дискурса. Эта эксклюзия порождается, прежде всего, несоответствием тех или иных городских локальностей образу "нормального", "правильного" города, сконструированного, с одной стороны, социологической традицией от М. Вебера, Г. Зиммеля, Э. Бёрджесса, Р. Парка, Л. Вирта до наших дней, а с другой – представлениями советских архитекторов о социалистическом городе². Такие "исключенные" пространства становятся своего рода двойниками-невидимками³ "нормального" города, отсутствующими в официальных репрезентациях. Не менее значимым оказывается и формирование городских ландшафтов, не включенных во властные и иные описания. Пустыри, трущобы, гаражные кооперативы и брошенные парки, присутствующие в официальном дискурсе исключительно как стигма и проблема, оказываются ландшафтами, обеспечивающими выживание и/или поддержание образа жизни групп и сообществ, не вписывающихся в представления о "правильном" городе.

В результате, значительная часть социального, да и физического пространства российского города исследователями почти не описывается и не рефлексирована. Образно выражаясь, исследование российского города ведется в значительной мере "под фонарем" устоявшегося образа города и городского в свете многочисленных теорий урбанизма, конгруэнтных именно этому образу. Какие процессы происходят за пределами "нормального" города, на границе "видимого" и "невидимого", какие группы в них участвуют, как развивается это пограничье – все это пока остается за пределами исследовательского внимания.

Предлагаемая читателю подборка статей ориентирована не только на обсуждение конкретных проблем, крайне слабо включенных в современные российские городские исследования, но и постановку на сибирском и дальне-

¹ Горожанин. Что мы знаем о жителе большого города? М.: StrelkaPress, 2017.

² Меерович М.Г. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

³ Holston J. The Modernist City: An Anthropological Critique of Brasilia. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

восточном материале более общей проблемы изучения "не рассказанного"⁴ города. Авторы публикуемых статей (К. Григоричев, В. Дятлов) вводят в дискуссию о современном российском городе феномен "частного сектора" – обширных пространств усадебной застройки, присутствующих практически во всех российских городах за пределами столичных мегаполисов, но, парадоксальным образом, полностью отсутствующих в академическом тексте. В центре внимания здесь эволюция "частного сектора" в советском и постсоветском городе из слободы как "не-городского города", во внутренний пригород – пространства с доминированием субурбанизма как образа жизни в пределах городской черты.

Двойственность городских локальностей, описываемых как пустое пространство во властном дискурсе и одновременно кормящим ландшафтом для "неочевидных" сообществ, анализируется в статье А. Ковалевского и А. Ивановой. Такие сообщества выпадают из представлений о социальной структуре города и, как правило, описываются в качестве маргинальных и даже люмпенизированных, но при более пристальном рассмотрении оказываются далеки от стигматизируемых групп, а локальности их обитания – от образов трущоб и пустырей.

Такой взгляд на российский город актуализирует идею периферии, позволяющую описать переходность "не городских" пространств. Леонид Бляхер рассматривает "придорожную экономику" малых городов как своего рода периферию периферии – пространство маргинальное по отношению не только к мегаполису, но и к малому городу, соответствие которого доминирующим представлениям об урбанизме достаточно проблематично.

Представленные в этих статьях сюжеты и процессы ставят вопрос о роли маргинальности в российском городе и механизмах ее воспроизводства. Один из таких механизмов анализируют Д. Тимошкин и Д. Пчелкина на визуальных материалах центра Красноярска – самого восточного миллионника России. Рассматривая небольшую локальность в центральной части города, авторы показывают, как маргинальность этого пространства воспроизводится визуальными образами, через которые "исторический" город исключается из повседневности.

В более общей перспективе, предлагаемые читателю статьи не только ставят вопрос о гетерогенности российского провинциального города и соответствия урбанистических исследований его реалиям. Понимание вариативности траекторий развития постсоветского города погружает исследования авторов контекст дискуссий о линейной и дифференциальной урбанизации, роли маргинальности в жизни современного города, "новых" городских мобильностей и других.

К. В. Григоричев

⁴ Ротбард Ш. Белый город, Черный город. Архитектура и война в Тель-Авиве и Яффе. М.: Ad Margentum, 2017.